
Философия

УДК 1(091) +11(115) +128

EDN: WQYSZW

Богостроительство и спасение в учении о доминанте и хронотопе А.А. Ухтомского

Н.В. ЕРЕМЕЕВА

В статье учение о доминанте русского и советского физиолога академика А.А. Ухтомского рассматривается в трех аспектах. Психофизиологический аспект доминанты раскрывается в состоянии готовности нервной системы, этический – в усилиях по достижению счастья, философско-религиозный – в желании присутствия Бога, сбытии Его в личном религиозном опыте человека. Делается вывод о необходимости понимать учение А.А. Ухтомского о хронотопе как особом сущем в определенном пространстве и времени, заданном доминантой богостроительства, как опыт осмысления духовного подвижничества и соработничества в деле достижения личного спасения.

Ключевые слова: доминанта, хронотоп, время, спасение, сотериология, богостроительство, подвижничество, А.А. Ухтомский.

In this article the doctrine of the dominant of the Russian and Soviet physiologist, academician A.A. Ukhtomsky, is considered in three aspects. The psychophysiological aspect of the dominant is revealed in the state of readiness of the nervous system, the ethical aspect – in efforts to achieve happiness, the philosophical and religious aspect – in the desire for the presence of God, realizing Him in the personal religious experience of a person. The conclusion is made about the necessity of understanding the teaching of A.A. Ukhtomsky about the chronotope as a special entity in a certain space and time, determined by the dominant of God-building, as an experience of understanding spiritual asceticism and cooperation in the matter of achieving personal salvation.

Keywords: dominant, chronotope, time, salvation, soteriology, God-building, asceticism, A.A. Ukhtomsky.

Введение. Умное делание на уровне эволюции человека, возможность духовного развития каждой отдельной личности, исходя из данных научных исследований нервной деятельности, «психофизиология спасения» [1, с. 7] представлена в трудах акад. А.А. Ухтомского. Ученый с мировым именем, один из основателей физиологической школы Санкт-Петербургского университета, раскрывается потомкам как русский философ и мыслитель, органицист и космист по духу мышления [2, с. 53] только сейчас. Открытие им принципа доминанты – состояния готовности, внимания, тонуса нервной системы, «величиной, господствующей в смысле влияния на эффект» [3, с. 66] – оставалось зашифрованным посланием для большинства современников, пока не была проделана значительная работа по восстановлению обширных дневниковых записей и переписки академика. Изучению его трудов посвящают все больше времени в связи с актуальностью его представлений о хронотопе. Открытие хронотопа как особой пространственно-временной структуры как нельзя лучше иллюстрирует единообразие законов природы и человеческого бытия, которые, «синтезированные в одну философскую идею и картину мира», обеспечивают «исходную нагруженность своего временения и опространствления», и именно ее «человек будет так или иначе воспроизводить, синтезировать на протяжении всего жизненного пути» [4, с. 446]. Тем не менее, связь теории хронотопа с реляционной теорией пространства-времени, где они не заданы раз и навсегда и не существуют как универсальные, общие для всех, а напротив, «пространство и время становятся частью картины» [5, с. 144], в дискурсе философии задает ряд специфических проблем, тем более очевидных в эпистемологическом отношении. Если в современной физике теория относительности предполагает работу с напряжением, возникающим на границе понятий нестабильности и необратимости [5, с. 145], то философская «хронотопология» [4, с. 446] актуализирует хайдеггеровский вопрос о смысле бытия, который

может быть разрешен в том числе и отрицательно. На наш взгляд, именно против такого отрицательного решения и направлена этическая и философско-религиозная стороны учения академика Ухтомского. Его модель реальности является не просто частным случаем применения общих закономерностей мировоззренческой диалектики в области психофизиологии, но, как и у М. Хайдеггера, становится парадигмой спасения, поскольку исходит из будущего, предвосхищая смысл бытия посредством ориентации в хронотопе благодаря осознаваемой и определяющей доминанте [2, с. 54]. А.А. Ухтомский задает вектор доминанты в реальности четырехмерном пространстве-времени как нравственную оценку и этику поступка [2, с. 54–55]. Для М. Бахтина хронотоп это семантический мир на фоне мира вообще, мир события, архетип, символическая реальность прежде всего художественного произведения [2, с. 58], тогда как Ухтомский взаимосвязанным пониманием хронотопа и доминанты, когда организм мыслится как интегральное целое, единица, сущее в пространстве и времени [3, с. 74, 81], устремленное согласно своей доминанте нервной системы, осмысливает посредством науки физиологии духовные практики подвижников Церкви и выстраивает диалектику души и тела в психоонтологию спасения [1, с. 32–34].

Основная часть. Целью данной работы является историко-философский анализ учения русского и советского физиолога академика А.А. Ухтомского о хронотопе и доминанте как философской концепции спасения. Для ее достижения решается ряд конкретных задач – постановка проблемы времени в русской философии, интерпретация учения о доминанте в трех аспектах, психофизиологическом, этическом и философско-религиозном, обоснование вывода о необходимости понимать учение А.А. Ухтомского о хронотопе как опыт осмысления духовного подвижничества и соработничества в деле достижения личного спасения. В рамках данной статьи, безусловно, при поддержке традиционных для историко-философского анализа методов – сравнительного и исторического – продуктивной будет признать в качестве ведущей феноменологическую и герменевтическую методологию понимания времени через обретение и историю смыслов. Новизна данного исследования заключается в том, чтобы не только представить учение А.А. Ухтомского как отражение в представлениях о хронотопе органического единства пространства и времени, целостно-космического мироощущения, столь характерного для всей русской философии [2, с. 53], но и подчеркнуть антидеструктивное значение теории хронотопа, ее сберегающую и созидательную функцию. Для самого же А.А. Ухтомского организация хронотопа доминантой богостроительства преодолевает имплицитно заложенный в нем и отмечаемый исследователями солипсизм [4, с. 448]. Предлагаемое в данной работе выделение трех аспектов понимания доминанты – психофизиологического, этического и философско-религиозного – не противоречат друг другу, но напротив, позволяют истолковать последовательно раскрывающиеся смыслы подлинного бытия субъекта в горизонте пространства-времени хронотопа спасения. Вопреки привычному для нас сегодня восприятию понятия спасения целиком в богословском контексте, концепт спасения органично функционирует и в философском поле, являясь целью и смыслом философского научения [6, с. 206], что справедливо не только для античности, хотя верно и то, что спасение как философское понятие фундирует прежде всего платоническую традицию философствования. Спасение трактуется как избавление, средство и способ избавления, сохранность, обеспечение безопасности, гарантия, благополучное возвращение, благо и счастье, чему соответствует семантика слова «спасение» в греческом языке¹. М. Фуко выделяет с опорой на фразеологию греческих текстов такие значения производных от слова «спасение» глагольных форм, как сберегать (чистоту, память), сохранять должное, оправдать, делать добро [6, с. 206–208]. В таком понимании хронотоп Ухтомского занимает свое место в ряду сотериологических программ от античной эпимелейи и христианского спасения до строительства социального субъекта в марксизме.

Постановка проблемы времени в русской философской мысли предполагает не только «правильное» понимание времени как «всевременности» – ибо представления об испорченности линейного естественнонаучного времени является маркером несовершенства челове-

¹ Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : ок. 70000 слов : в 2 т. / И. Х. Дворецкий ; под ред. чл.-кор. АН СССР проф. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – С. 1596.

чества в его нынешнем состоянии, – но и сведение начала, развития и конечной цели человеческой жизни и всей мировой истории в точку разворачивания-сжатия изначального события [7, с. 91]. Его переживание и принятие – и это не только и не столько событие священной, но и личной истории – является качественным присутствием русского бытия-времени [8, с. 33, 36]. Очевидно, что такое время не подпадает под измерение и не распадается на моменты [8, с. 37]. Оно не дискурсивное, а интуитивно схватываемое, переживаемое как качественное состояние сознания единой и всеобщей гармонии [7, с. 91], которой прилежит и человеческое сознание. Священник, физик и философ П. Флоренский, говоря об условиях такого сознания, указывает на «укрощение своей рассудочной деятельности и выход в благодатное мышление восстановленного, очищенного и воссозданного человеческого естества», однако отмечает, что «на данный момент связная полнота есть лишь чаяние» [9, с. 161–162]. И если для П. Флоренского чаяние направлено только на Иисуса Христа, то естественнонаучное крыло русской философии осмысливает воссоздание человечества во всеединстве с природой и космосом в социокультурном пространственно-временном континууме. По выражению В.И. Вернадского, в «процессы, связанные с временем, мы... не только проникаем из научного изучения внешней природы – мы их переживаем» [10, с. 487–488]. В случае с религиозными мыслителями, подобными П. Флоренскому и герою данной статьи А.А. Ухтомскому, смысл времени раскрывается через разворачивание события спасения и основан на содержании времени как эпистемы и на его переживании – возможности человека быть в истории спасения, быть ему сопричастным [11, с. 8]. Эта дуальность времени отсылает нас к хрестоматийному пониманию Августина, очевидно эксплицирующего связь времени, души и спасения, но также, минуя столетия и эпохи, такое понимание феномена времени сближает философию Ухтомского с неклассической эпистемологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

Психофизиологическое понимание доминанты раскрыто и описано А.А. Ухтомским в анализе лабораторных опытов над животными. Доминанта это состояние готовности нервной системы к какому-либо процессу, когда дополнительные раздражители других нервных центров вызывают усиление той, запланированной организмом реакции. Академик Ухтомский приходит к выводу, что прилагаемые стимулы доходят до возбужденного центра в порядке диффузной случайной волны, встречая в нем наиболее отзывчивый орган [3, с. 66–70]. Отсюда появляется понятие доминанты как «органа поведения», сочетания сил, первичного деятеля [3, с. 72]. Р. Авенариус, которому и принадлежит термин, предполагал, что в нервной системе образуется некая подпочва для образования новых связей, новых поводов для нервной системы разрядиться, разрешиться новым рефлексом [3, с. 73]. Однако Ухтомский был против того, чтобы напрямую отождествлять доминанту с инстинктивно-рефлекторной деятельностью. Если уж сравнивать доминанту с инстинктом, то последних должно быть много больше – требуется ввести инстинкт пространства, времени, симметрии, счисления и обязательно социальный инстинкт. Неизменность и успокоенность природы это лишь «доминанты, которыми жил Ж.-Ж. Руссо», в то время как задача человеческой культуры и воспитания как раз и состоит в создании новых инстинктов [3, с. 83].

Среди характеристик доминанты Ухтомский отмечает ее векторность, направленность, поляризованность, доминантой обусловлено сужение сферы текущей деятельности и расширение сферы незамечаемой [3, с. 84]. Поэтому, заключает академик, доминанты стоят между нами и реальностью, как это особенно заметно у ученого в период размышления над какой-либо проблемой или психически больного с его патологической доминантой в основании хронотопа [3, с. 86]. Так и создается хронотоп как сущее в определенном пространстве и времени, заданном доминантой [3, с. 81]. Чем выше организованы нервные центры, тем точнее их ориентация в хронотопе, тем меньше они регулируются принципом наименьшего сопротивления, как низшие организмы, тем большее значение имеет сила доминанты [3, с. 81]. И поскольку доминанта – это явление нервно-психического порядка, а когда дело касается физиологии человека, во всяком процессе требуется гигиена, то нужна и гигиена доминанты [3, с. 89]. Здесь академик Ухтомский подходит к этическому толкованию своего открытия. Поведение это труд, человечество само должно устанавливать себе доминанты, сообразуясь

с присущей ему свободой и разумом. Ухтомский настаивает, что грядущая доминанта, залог счастья человечества – это «доминанта на лицо другого», преодоление индивидуалистического миропонимания, ибо только с того «момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» [3, с. 90].

Дневники и письма академика А.А. Ухтомского, ныне изданные для широкого круга читателей, раскрывают третье, философско-богословское значение нейтрально-научных терминов, которыми он пользовался в исследовательской деятельности. Так, в письме к В.А. Платоновой он высказывает следующее: «Кругом нас, в близкой нам окружающей действительности Бога не видно... Он не есть нечто нам уже данное... Вся история – ряды человеческих попыток осуществить Бога... Итак, Бог есть то, чего пока, в ближайшей действительности, еще нет, то, во что, однако, постоянно верует человек, чего ищет, за всемирную историю свою, и что осуществляется в меру веры и разума человеческого... настолько, насколько мы верим и хотим Его осуществления» [12, с. 26]. Таким образом, доминантой человека становится желание осуществления Бога, хронотопом – история Его осуществления. Те, кто возжаждал Бога со всей силой – не аскеты, но подвижники, как в монастырях, так и в миру, – уже ничего иного не вмещают: «Да, очевидно, что вера в сошедшего с небес... и распятого ради нас... не может быть для нас делом спокойного рассуждения и “убеждения” кабинетного, но лишь делом непрестанного напряжения, бдения над собою, усилия и молитвенного подвига» [12, с. 151]. Таким образом, методика «психофизиологии спасения» заключена в напряжении, внимании – истолкование апостольского «трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет. 5:8) в научных исследованиях Ухтомского вырастает до создания доминанты внимания как органа для восстановления соединения с Богом [1, с. 37]. Причем Ухтомский отмечает, что усиление рефлекса – дело трудное, легче умерщвлять плоть и подавлять страсти, чем стать подлинно свободным создателем нового человека в себе [1, с. 39]. И коль скоро доминанта имеет также и этический аспект, этически направлена, то с полным правом она может называться ответственностью, а поскольку она задает пространственно-временную ориентацию хронотопа, ее можно назвать также и предвидением, исключая всякую мистику и, напротив, допуская ошибки и заблуждения – как научная теория или художественная интуиция [3, с. 88]. Сознание человека расширяется таким образом до проектирования действительности, и религиозный опыт принципиально не отличается от научного в суммировании содержания бытия [1, с. 44]. Наконец, возвращаясь к физиологии, Ухтомский не видит противоречий с «плотью» – она является средством, но не причиной греха и порока, воспитание психики служит образцом и для воспитания телесности, приобретение нравственности такой же труд как приобретение добродетели, когда внешнее обыкновение служит выражением внутреннего смысла [1, с. 43]. Ухтомский делает еще один вывод – активное созидание реальности является залогом качества этой реальности [1, с. 52], тем более если речь идет о встреченном другом как залого осмысленности жизни вообще. Он пишет в одном из посланий Е.И. Бронштейн-Щур: «Каждый момент жизни, каждая встреча с человеческим лицом есть самостоятельная, неповторимая и страшная задача, и от того, как ты решишь для себя эту задачу данного момента, зависит, во всеоружии ли сможешь ты встретить следующий затем момент с его новой задачей. В каждый отдельный момент своей жизни человек произносит суд над собою для всей последующей жизни. Все утекает, ничто не повторяемо: значит, все исключительно важно» [12, с. 244].

А.А. Ухтомский большое значение придавал размышлению, не только молитвенному, но и научному, над наследием отцов церкви, особенно в той его части, где речь шла о подвижническом опыте и святости. Он признается, что еще в Духовной академии задумал «биологическую теорию религиозного опыта» с пониманием биологической же целесообразности богопочитания [12, с. 364]. Пожалуй, на роль такой целесообразности могла бы претендовать природа человеческой мысли, которая «есть всегда попытка спроектировать новую действительность», «целестремительное предвкушение новой, лучшей, требующейся реальности» [12, с. 362]. «Естественно-физиологическая черта мышления о будущем» – это обращение к Добруму, получившее названия «вера», «этика», «эсхатология» – имена для одного и того же акта «мысленного проектирования и предвкушения новой, измененной реальности» [12, с. 363]. Следовательно, радикально меняется и определение истины – она «наравне с

тем, что есть, содержит утверждение и того, что должно быть. Она есть преобразование того, что есть, в то, что должно быть» [12, с. 355]. И пока «в этом самом хронотопе...уже растет то дерево, из которого будет изготовлен его гроб, уже готова та земля, в которой будут лежать его кости» [12, с. 274], человек совершает подвижничество «в непрестанном стремлении к созиданию в себе христианского идеала» [12, с. 336].

Идея «богостроительства» активно циркулировала и среди социалистов. Примером тому может послужить атеист М. Горький с его «Исповедью», в которой ему «нужно было показать, какими путями человек может придти от индивидуализма к коллективистическому пониманию мира... Герой “Исповеди” понимает под “богостроительством” устройство народного бытия в духе коллективистическом, в духе единения всех по пути к единой цели – освобождению человека от рабства внутреннего и внешнего» [13, с. 504]. Но вдребезги раскритикованный В. Лениным за «боженьку» [13, с. 506] каприйский кружок Богданова-Горького, так лихо объединивший идеи марксизма с космизмом, во времена Серебряного века был не более экзотичным, чем верующий ученый-физиолог академик А.А. Ухтомский. Его учение о доминанте, прочитанное и понятое в среде марксистов как теория активного сознания и послушного ему тела, как идея «детерминации другого порядка», подходило для прогрессивного строителя коммунизма так же, как и для христианского подвижника [1, с. 52], ибо спасение в создании «новой твари» и «нового мира». Истина едина и для религии, и для науки и просто для здравого смысла. Ухтомский в унисон с М. Хайдеггером ставит перед собой феноменологическую задачу относительно возможности и религиозного опыта тоже: «Я хотел лишь выяснить...что это именно единственный путь для науки – в решении вопросов, поставленных в истории и в личном опыте каждого из нас» [12, с. 327–328]. И осознавая в итоге космическое и социальное единение, подвластное науке и практике, и человеческую безысходность страдания и смерти, испокон веков избываемую в религии, академик А.А. Ухтомский пишет в одном из своих дневников: «На фоне бесконечного Ничто во мне борются великие традиции, данные мне прошлую жизнью человечества. И их я должен примирить» [12, с. 332].

Заключение. Объединяя физиологические исследования с религиозными убеждениями, А.А. Ухтомский открывает, что идеализм, «построение... проекта (“новой земли и нового небесе”) по поводу всякого нового опыта и переживания жизни, – это постоянный физиологический факт. Ибо предвосхищение реальности на расстоянии, предварительное построение вероятной реальности есть типичный факт мозговой жизни, ширящейся и растущей в своем движении навстречу реальности» [12, с. 399]. И сегодня «безумная мудрость...фиксировать утопическое в самом сердце реального» [14, с. 293] – это значит признавать каждый раз в новых исторических условиях необходимость антидеструктивной стратегии мышления и социального действия в надежде на сохранение человечества. Наука прошлого закончилась отчуждением, отрицанием всего, что придает смысл жизни человека [5, с. 161], наука постсекулярного будущего претендует на терапевтические функции философии и религии – «чтобы вообще иметь хоть какую-то ценность физику необходимо удовлетворить испытываемую им потребность избежать трагедии обыденной человеческой жизни» [5, с. 162]. Теория хронотопа – одна из глобальных гуманистических стратегий такого рода, которая становится еще более ценной в реалиях принципиальной неопределенности, открытой современной наукой [5, с. 159–60]. Академик Ухтомский оставляет нас перед открытым финалом нашей собственной истории, «наши знания о хронотопе всегда есть пробный проект предстоящей конкретной реальности по предвещающим признакам...Если предвещающие признаки оценены неправильно, неправильно предугадано их предсказание – тем хуже для нас» [15, с. 71]. Но «камень преткновения» времени психологии и времени физики, хроноса и часов [15, с. 71] может сделаться «главою угла» (Мк. 12:10) для физиологии спасения, открывающей собственную реальность хронотопа, задающую по меньшей мере логическую возможность мыслить такую организацию пространства и времени, когда смерть и воскресение совпадут в моменте преображения человеческой личности [16, с. 107], и такую доминанту, которая, обнаруживаясь в лице другого и Другого, способна становиться вектором преодоления духовной расщепленности и распада собственной природы.

Литература

1. Филиппова, Э. Молитва как парадигма : Алексей Ухтомский, доминанта и психофизиология спасения / Э. Филиппова, Д. Тодес // Историко-биологические исследования. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 7–60.
2. Политов, А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина / А. В. Политов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2014. – Т. 14, вып. 4. – С. 50–62.
3. Ухтомский, А. А. Доминанта как фактор поведения / А. А. Ухтомский // Избранные труды. – Л. : Наука, 1978. – С. 63–89.
4. Политов, А. В. Теоретико-мировоззренческие основания хронотопологической концепции в контексте переосмысления современного состояния философии и ее классических категориальных схем / А. В. Политов // Вестник Пермского университета. – 2022. – Вып. 3. – С. 441–451.
5. Пригожин, И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2000. – 208 с.
6. Фуко, М. Герменевтика субъекта : Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.
7. Семенюк, А. П. Темпоральность миропонимания русской религиозной философии XIX – начала XX вв. / А. П. Семенюк // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 89–93.
8. Комаров, С. В. Время русского бытия (ч. I) / С. В. Комаров // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2015. – № 4. – С. 30–39.
9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. – М. : Изд-во «Правда», 1990. – 490 с.
10. Вернадский, В. И. Проблема времени в современной науке / В. И. Вернадский // Биосфера и ноосфера ; предисл. Р. К. Баландина. – М. : Айрис-Пресс, 2004. – С. 483–519.
11. Пилипенко, Е. А. Историческое время: нетривиальная онтология / Е. А. Пилипенко // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2016. – № 3. – С. 5–9.
12. Ухтомский, А. А. Интуиция совести : Письма. Записные книжки. Заметки на полях / А. А. Ухтомский. – СПб. : Петерб. писатель, 1996. – 528 с.
13. Горький, М. Повести 1907–1909 / М. Горький // Собрание сочинений в 30 т. – М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. – Т. 8. – 512 с.
14. Лабика, Ж. Марксизм между наукой и утопией / Ж. Лабика ; пер с фр. Н. В. Суслова, науч. ред. К. Н. Любутина // Антиномии. – 2004. – № 5. – С. 268–293.
15. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. – СПб. : Питер, 2002. – 448 с.
16. Савченко, В. Н. Категория времени в идеях всеединства русского космизма / В. Н. Савченко, И. И. Золотухина // Вестник ТГЭУ. – 2011. – № 4. – С. 93–108.